

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ИДЕИ И ИНИЦИАТИВЫ Ш.Б. НОГМОВА

Айларова С.А.¹, Тебиева Л.Т.²

¹ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева ВЦ РАН и Правительства РСО-Алания, Россия (362040, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10), e-mail: aylarova54@mail.ru

²ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова», Россия (362025, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46), e-mail: tebievalt@mail.ru

В статье рассматривается важный аспект творческого наследия кабардинского просветителя первой половины XIX в. Шора Бекмурзин Ногмова – его культурно-хозяйственные воззрения и деятельность. В трудах Ногмова подчеркивается роль просвещения и торговли как необходимых элементов хозяйственного развития, указываются причины экономической отсталости горских народов: отсутствие государственности, низкий статус труда, замкнутость традиционного уклада жизни. В качестве путей преобразования горской экономики просветитель называет развитие ремесленного производства, введение новых сельскохозяйственных культур и форм деятельности, воспитание новой этики труда. Открытие светских школ и училищ, европейское воспитание должны были сформировать современную хозяйственную психологию горских народов, стремление к экономическим нововведениям.

Ключевые слова: северокавказское просветительство, экономическое развитие, этика труда, хозяйственная культура.

ECONOMIC IDEAS AND SH. B. NOGMOV'S INITIATIVES

Aylarova S.A.¹, Tebiyeva L.T.²

¹Federal state budgetary institution of science the North Ossetian institute of humanitarian and social researches of V. I. Abayev of Vladikavkaz scientific center of the Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic Northern Ossetia-Alania, Russia (362025, the Republic Northern Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Vatutin St., 53, 76), e-mail: aylarova54@mail.ru

²Federal gosudstvenny budgetary educational institution of higher education "North Ossetian state university of name K.L. Khetagurova", Russia (362025, Republic Northern Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Vatutin St., 46) candidate of historical sciences, senior teacher of department of the Russian history and Caucasus studies of, e-mail: tebievalt@mail.ru.

In article the important aspect of a creative heritage of the Kabardian educator of the first half of the XIX century Shora Bekmurzin Nogmov – its cultural and economic views and activity is considered. In Nogmov's works is emphasized a role of education and trade as necessary elements of economic development, the reasons of economic backwardness of the mountain people are specified: lack of statehood, low status of work, isolation of traditional tenor of life. As ways of transformation of mountain economy the educator calls development of craft production, introduction of new crops and forms of activity, education of new ethics of work. Opening of secular schools and schools, the European education had to create modern economic psychology of the mountain people, aspiration to economic innovations.

Keywords: North Caucasian enlightenment, economic development, ethics of work, economic culture.

Благо родины, современные пути ее развития – основной лейтмотив творческой деятельности Шора Бекмурзин Ногмова – одного из зачинателей северокавказского просветительства XIX века. Он осознает экономическую отсталость своего обширного края, личным примером способствует социально-экономическому, политическому и культурному развитию Кабарды и всего Кавказа. Как и все просветители, он мечтает о совершенствовании экономики и быта горских народов, лучшем общественно-хозяйственном устройстве, пробуждении интеллектуально-творческой жизни.

В своих трудах, и прежде всего в «Истории адыгейского народа» Ш.Б. Ногмов дает краткую характеристику состояния хозяйственной жизни адыгских народов, пытается понять причины невысокого (по сравнению со странами Европы) уровня экономического развития народов Кавказа. Ногмов писал, что «адыхе издревле занимались хлебопашеством и сеяли просо, ячмень, кукурузу и огородные овощи: лук, чеснок, редьку, свеклу и пр.; на нашем языке есть названия всех хлебов». Наряду с земледелием, он пишет о скотоводстве, отмечая, что кабардинцы «имели хорошее пчеловодство, конские табуны, рогатый скот, коз и овец; но особое внимание было обращено на разведение хороших лошадей» [2].

Однако, несмотря на довольно многообразные виды сельскохозяйственной деятельности, адыги, по мнению Ногмова, – народ бедный, с неразвитыми по сравнению с европейскими народами формами хозяйственно-бытовой культуры. И разгадку он ищет не только в суровой природе и отсутствии контактов с развитыми обществами, но в невысокой культуре и интенсивности труда во всех областях хозяйствования адыгов.

Политическая нестабильность, постоянные феодальные набеги, отсутствие гарантий сохранности плодов труда способствовали деградации когда-то высокой этики труда адыгов. «Древние адыхи одарены были благородством душ и хорошими умственными способностями, славились деятельностью и сметливостью... И действительно, адыгейцы были известны в древние времена своим трудолюбием; но после грозных нашествий, переселений, частых побегов в горы, где они принуждены были скитаться по самым скудным местностям, от частой перемены и от притеснений владельцев, а в позднейшие времена от беспрестанных набегов татарских и калмыкских орд нравы их совершенно изменились. Прежние хорошие качества исчезли; народ впал в беспечность, леность и во все происходящие о них пороки, которые вовлекли его в бедность и нищету, заставляя довольствоваться самою грубою пищею и весьма худым жилищем» [2].

Высокая адыгская этика труда в прошлом, по мнению Ш. Ногмова, - это не только продукт национальной жизни, но и результат интенсивных межнациональных контактов, в частности, цивилизующего влияния средневековой византийской культуры. Как пишет Ногмов, византийское духовенство «внесло к нам миролюбивые занятия искусствами и просвещение», способствовало «возрождению искусств и художеств».

Но блестящие византийские ремёсла, развитые формы урбанистической и сельскохозяйственной деятельности не закрепились в суровом кавказском крае. Отсутствие единой государственности, национального единения и сплоченности сделали адыгов беззащитными перед ударами многочисленных могущественных врагов. «Бедный народ, облитый кровью, без крова и пропитания, искал спасения в горах, пещерах и дремучих

лесах... Народонаселение уменьшилось, селения и пашни запустели, и с этого времени начался упадок адыхского, или антского народа, дотоле жившего в независимости» [2].

Всем своим творчеством и общественной активностью кабардинский просветитель старался способствовать развитию экономики и культуры своего народа. Родившись в семье кабардинского узденя-дворянина (1800 г.), Ш.Ногмов в молодости получил мусульманское образование в Эндерийском медресе в Дагестане, где изучал арабский и персидский языки, восточную литературу, а затем служил непродолжительное время сельским муллой. Увлечшись русской культурой, русским языком, Ш. Ногмов отказывается от сана муллы и, начав сотрудничать с российской военной администрацией, работает писарем 1-го Волжского Казачьего полка, а затем преподавателем Нальчикской аманатской школы. Одержимый желанием приобщить свой народ к русскому просвещению, он составляет букварь кабардинского языка, приступает к сбору фольклорных материалов. Находясь в Петербурге (1830-1835 гг.), он ближе знакомится с интеллектуальной элитой русского общества, получает глубокую культурную подготовку; формируются его просветительские и научные взгляды. В эти годы он работает над своими историко-филологическими трудами, пишет «Историю адыхейского народа».

Наиболее значительное место в общественной деятельности Шоры Ногмова занимает время, когда он служил секретарем Временного Кабардинского суда (1838-1942 гг.). Честный, справедливый, пользовавшийся авторитетом и уважением в обществе секретарь суда писал и подготавливал ходатайства, затрагивавшие самые назревшие экономические потребности кабардинского общества [1].

В этом отношении интересны следующие документы – два рапорта Кабардинского временного суда, представленные на рассмотрение начальника Центра Кавказской линии генерал-майора Пирятинского, в которых была представлена обширная программа действий по хозяйственному и общественно-культурному развитию Кабарды.

Местом составления документа обозначена крепость Нальчик. Первый из документов (рапорт от 10 февраля 1841 г.) подписан председателем суда подполковником Айдемировым, главным эфенди Шеретлоковым, майором Атажукиным, князем Докшукиным, корнетом Тамбиевым, прапорщиками Анзоровым и Иналовым, штаб-ротмистром Куденетовым. За секретаря документ подписал поручик Бекмурзин [3].

Кабардинская общественность обращалась с просьбой:

1. «О принятии для общественного просвещения и образования кабардинского народа в Санкт-Петербургскую Академию наук одного из среды их чиновника», - (имея ввиду Шора Ногмова), «к совершенствованию в науках, кабардинскому и русскому языкам», которому просили казенное содержание;

2. «Дозволить им при крепости Нальчикской устроить деревянные здания для училища» для обучения детей грамоте. Учителей кабардинцы просили содержать на казенный счет, попросив при строительстве училища оказать «пособие от правительства» мастерами, которых «каких-либо еще в Кабарде не имеется».

Кабардинская общественность брала на себя обязательства обеспечить строительство училища всем необходимым материалом, а по завершении строительства его учеников и педагогический персонал – питанием [6].

Указанные документы, составленные от имени народа Шора Ногмовым, дают яркую характеристику его представлениям о путях дальнейшего хозяйственного и культурного развития своего края.

Рапорт начинается с изложения того, что Россия всегда покровительствовала Кабарде. Дав характеристику русско-кабардинских политических связей, автор описывает плачевное состояние просвещения. Необразованность народа является причиной не только гражданского беспорядка и анархии, но и убогого состояния хозяйствования. Из-за отсутствия образования совершали «с древних веков и до ныне» «гнусные поступки, от пустого воображения за лучшее отвергали самые полезные общественные занятия». Полезные общественные занятия – это занятия наукой, ремеслами, производительным сельскохозяйственным трудом, - заменялись организацией набегов, «воровством». «Вместо чтения книг некоторые упражнялись чисткою оружия.., вместо грамматики занимались обидой своих ближних.., а вместо арифметики занимались разбоями и воровством.., а вместо прочих ремесленных наук занимались непримиримым тяжёлым спором».

В документе подвергается критике вся феодальная система воспитания юношества, которая ориентировала их лишь на военные занятия, формируя презрительное отношение к честному хозяйственному труду. Составитель рапорта отмечает, что кабардинцы не имея «должного образования, никак не могли сами между собой принять такового для себя и отечества, остаются по всюду подобно охотникам без должного пристанища и к полезным занятиям по хозяйственной части, для улучшения своего состояния» приступать страшатся.

В силу всех этих обстоятельств, говорится далее в рапорте, «всякие полезные науке по дикой необузданности ныне кажутся им в тягость, в особенности для молодых людей, имеющих привычку более к шалостям и вредным занятиям».

Констатировав крайне неудовлетворительное состояние с общественно-нравственным и трудовым воспитанием кабардинской молодежи, автор переходит к практическим предложениям. Предлагалось прежде всего просвещение, обучение детей, для чего и должна была строиться вышеупомянутая школа. Автор считает «за лучшим избрать, применяясь к

прежним временам как всякий человек сотворен от всевышнего, одарен чувствами, разумом, способностями, обучение означенных детей».

Третьим пунктом рапорта-ходатайства шла просьба кабардинцев «О дозволении кабардинским владельцам и черному народу на отдачу их холопов во внутрь российской границы, по кавказской области, русским ремесленникам для обучения разного рода мастерствам, на собственном их иждивении». Вернувшись на родину, специально обученные в России оригинальным ремеслам работники заразили бы определенную часть населения желанием освоить новые для Кабарды формы хозяйственной деятельности. Как отмечается в рапорте – «в последствии можно возбудить кабардинский народ быть готовым к трудам для лучшего приведения хозяйственных обиходов, а тем самым можно отвлечь всякого от вольнодумных гнусных действий» [3].

Спустя семь дней, 17 февраля, Кабардинский Временный суд обратился с новым рапортом к ген. Пирятинскому. Рапорт являлся дополнением предыдущего документа от 10 февраля [3]. Суд уточнял вопросы о материальном обеспечении создаваемой школы и о содержании учителей.

Российские власти в связи с ходатайством кабардинской общественности поручили подполковнику Россильону уточнить ряд вопросов. Тот счел возможным изложить следующие соображения:

«В заключении имею честь присовокупить, что касательно посылки мальчиков из черного народа для обучения в России мастерствам на счет коих благоугодно было командующим войсками согласиться и определил послать 15 мальчиков в Россию.

Кабардинцы желают обучать предпочтительно плотничному, столярному и токарному мастерствам, изготовлению печей, кузнечному, слесарному искусствам, кожевному мастерству и искусству ткать шерсть и холст.

Но как в настоящих обстоятельствах им гораздо важнее и необходимее заведение училища для дворянства в Кабарде, то средства, доставляемые общественною суммою, ограничены, мне кажется, что Кабардинский Временный суд не имеет способов отправить, содержать и платить за обучение мальчиков, ежели г. командующему войсками не будет угодно исходатайствовать, что бы их отправили в Россию на казенный счет, то эта мера должна отлаживаться на неопределенное время» [6].

Таким образом, ходатайство кабардинской общественности, составленное Шора Ногмовым, о посылке мальчиков в Россию для изучения мастерского дела, не получило должного понимания и разрешения и согласно заключению Россильона было отклонено.

Однако Шора Ногмов не опустил рук и в последующее время выступал с рядом инициатив, в частности, о внедрении новых для Кабарды сельскохозяйственных культур в

народное хозяйство, например, пшеницы, кукурузы и картофеля. Вместе с друзьями – кабардинским просветителем Дмитрием Кодзоковым и его отцом – Магометом Кодзоковым – он выступил активным пропагандистом и распространителем этих перспективных культур. Вот что изложено в расписке Шора Ногмова и Магомета Кодзокова о получении ими семенной пшеницы у полковника Голицына: «1843 г., октября 28 дня, мы, нижеподписавшиеся, штабс-капитан Шора Бекмурзин Ногмов и корнет Магомет Кодзоков дали эту расписку господину полковнику и кавалеру князю Владимиру Сергеевичу Голицыну в том, что взятую нами взаимообраз пшеницу – первый пятьдесят мер, весом каждый 12 ½ фунтов, а последний девятнадцать мер вышесказанного веса, стоящую по 1 руб. 50 коп. ассигнациями каждая мера, обязуемся возвратить Его сиятельству либо объясненное количество мер пшеницы, или же деньги, употребленных на покупку оной по 1 руб. 50 коп., ассигнациями за всякую меру, при первом же от нас истребовании и беспрекословно, в чем и подписываемся. К сей расписке корнет Магомет Кодзоков, вместо его – неграмотного и за себя подписался штабс-капитан Шора Бекмурзин Ногмов» [7].

Вывесив в коридоре своего дома початки кукурузы, Шора Ногмов наглядно демонстрировал кабардинским крестьянам достоинства нового злака. Именно в начале 40-х годов кукуруза и появляется на полях Кабарды [4].

Поскольку Шора Ногмов был не только знаком со многими чиновниками местной администрации, а по службе постоянно входил в деловые контакты, то он не упускал случая поднимать вопрос о необходимости совершенствования хозяйственных навыков горских народов. Часто это находило понимание властей, которые выступали в 40-е гг. с интересными инициативами. Так, например, в январе 1843 г. командующий Кабардинской линией обратился к начальнику Центра с таким предложением:

«Вольный аул, населенный близ Нальчикской крепости, не приносит ни малейшей пользы, и с лишком двадцать лет не облагается никакими податями, не подвинулся ни на шаг в улучшении собственного быта. Вникая в положение жителей его и желая достигнуть цели, с которою они были водворены, я полагаю необходимым из числа их взять несколько молодых людей для обучения разным мастерствам при штабе полка, квартирующего в Нальчике. Таким образом, составитя в течение немногих лет начальная школа мастеровых, в которой вся Кабарда и прилегающие к ней племена могут образовать учеников и вместе улучшать постепенно все свои постройки и заведению хозяйственных, находящихся в самом жалком положении...» К сожалению, это предложение было отклонено командующим войсками Кавказской линии генерал-лейтенантом Гурко «по настоящим обстоятельствам края», т.е. ввиду военно-политической обстановки на Северном Кавказе, где было неспокойно [8].

Особенно много хозяйственных инициатив исходило от начальника Центра Кавказской линии полковника князя В.С. Голицына, который через Кабардинский Временный суд сделал населению следующие объявления:

«Скудное хлебопашество по всей Кабарде должно было обратить внимание начальства на отыскание средств к улучшению его, и потому предписываю суду объявить повсеместно, что князья и узденья первых двух степеней могут обратиться в Управление Центра Кавказской линии для получения семян тех родов хлеба, которых посев здесь не известен, как-то: ржи, овса, ячменя и гречихи; при снятии хлеба в будущую осень занимавшие обязаны будут возратить только то количество, мера которая им отпустится. Раздача семян начнется в Нальчике с 1 февраля 1843 года и будет производиться за поручительством трех членов Кабардинского Временного суда; объявления желающих должны быть в суде к 15 января непременно.

Если кто из князей и узденей первых двух степеней пожелает снять рожь до наступления зимы, как это делается обыкновенно в России, то представив ясное доказательство в том, что у него земля вспахана и приготовлена к посеву, а вместо трех поручителей их суда, обеспечивающих в возвращении ссуженных семян, он может получить их к 15 сентября, лишь бы подал объявление о желании своем к 5-му числу того же сентября месяца» [9].

Именно этим объявлением воспользовались Шора Ногмов и Магомет Кодзоков.

Были и другие интересные предложения кавказской администрации, в той или иной степени вовлекавшие кабардинскую общественность и первых горских интеллигентов в пропаганду хозяйственной деятельности. Так, например, предложение князя Голицына от 27 августа 1842 г.:

«Предписываю суду объявить повсеместно, не минуя ни одного аула Большой Кабарды, нижеследующее:

Желая способствовать развитию садоводства и огородной промышленности в Кабарде, я выписал из России отличного садоводника с лучшими прививками всех сортов плодовых деревьев, а так же огородными семенами самого высокого достоинства и предполагаю около крепости Нальчика устроить огород, в котором посредством приставляемого к заведению этому переводчика означенный садовник будет преподавать поручаемым ему ученикам все, что касается до садового и огородного искусства, упражняя учеников на деле при неослабном надзоре.

Всякий князь и уздень первых двух степеней волен отдать в заведение до 1 октября текущего года по одному ученику их холопов своих, избирая преимущественно молодого с острым понятием и буде можно, с охотою к садоводству...».

Здесь же содержалась и идея создания специальной школы садоводства и огородничества и намечалась программа учебных занятий:

«Осень должна пройти в приготовлении гряд к весне, в пересаживании диких деревьев фруктовых, в содержании чисто заведения и прочих занятиях по садоводству, которые будут указаны учителем.

Весною пойдет прививка деревьев и каждому из учеников поручится привить несколько из них, дабы он узнал в совершенстве все, что касается до этой части.

Потом начнется посев огородных овощей, причем к каждому из учеников будет толковаться свойство всякого сорта зелени, время посева, уход, поливка и очищение от дурных трав – одним словом все, что нужно знать хорошему огороднику.

Вместе с сим покажется, как надобно поступить с новопривитыми деревьями, как и где подрезывать их – дабы излишний рост не вредил красоте и вкусу будущего плода.

Все лето пройдет в этих упражнениях, а в конце сентября месяца будущего 1843 года ученики будут распущены каждый в свой дом с полным огородным инструментом и обширным запасом огородных семян всех сортов...».

При этом ученики обеспечивались питанием и одеждой за счет владельцев, пославших их учиться. «Но за обучения их, за огородные инструменты, которые дадутся им при выпуске из заведения никто не должен платить ничего».

Можно было надеяться на то, что через два года Кабарда может иметь все доселе ей неизвестные произрастания четырех частей света, а несколько позже и фруктовые сады, которые сделаются для нее источником изобилия и богатства».

Через несколько лет, «осенью 1847 года» предполагалось организовать конкурс выпускников школы, которые должны были продемонстрировать «лучшие сорта плодов и овощей разного рода». «В поощрение за труды» были учреждены премии победителям конкурса – двести пятьдесят рублей серебром хозяину ученика, «сверх того, серебром пятьдесят рублей», его садовнику [9].

Безусловно, осуществление этих мероприятий, программы развития садоводства и огородничества имело бы далеко идущие последствия. Однако садоводческая школа не была открыта. Сказался консерватизм традиционного общества, феодальная верхушка которого не была готова ни к каким нововведениям. Несмотря на это, был заложен в 1844 г. близ Нальчика казенный фруктовый сад, который стал рассадником садоводства в крае [5].

Таким образом, новые веяния в хозяйственной жизни Северного Кавказа были замечены и поддержаны горской интеллигенцией, такими ее представителями, как Шора Ногмов. Где ярким словом, где делом, где косвенным участием он помогал становлению

новой экономики Кабарды, внедрению в сельское хозяйство перспективных культур, поддерживал начинания властей в этой сфере.

Список литературы

1. Кумыков Т.Х. Культура и общественно-политическая мысль Кабарды первой половины XIX века. Нальчик, 1991. С.71.
2. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа / Вступ.ст. и подг.текста Т.Х. Кумыкова. Нальчик, 1994. С.71-85.
3. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 337. Лл. 59-65.
4. Тресков И.В. Этюды о Шоре Ногмове. Нальчик, 1974. С.48.
5. Туганов Р.У. История общественной мысли кабардинского народа в первой половине XIX века. Нальчик, 1998. С.67-71.
6. ЦГА КБР. Ф. И16. Оп. 1. Д. 116. Лл. 1-5 об.
7. ЦГА КБР. Ф. И16. Оп. 1. Д. 1891. Лл. 22-22 об.
8. ЦГА КБР. Ф. И16. Оп. 1. Д. 231. Лл. 49-50 об.
9. ЦГА КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 2. Т.4. Лл. 320-320 об.

Рецензенты:

Канукова З.В., д.и.н., профессор, директор ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ;

Туаева Б.В., д.и.н., заведующая отделом социально-политических исследований ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ.